

ХРИСТИАНСКОЕ ВОЗСОЕДИНЕНИЕ

ЭКУМЕНИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ВЪ ПРАВОСЛАВНОМЪ СОЗНАНІИ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

Протоіерея С. Булгакова, архієпископа
Геліопольскаго Геннадія, митрополита
Буковины Нектарія, Н. Бердяева,
А. Карашева, протопресвитера
Стефана Цанкова, Г. Алевизатоса,
В. В. Зньковскаго

Lib. Ca 13

YMCA - PRESS — PARIS

*52,240

King

Bibliothek
Fritz Lieber

Отъ Издательства.

Въ міръ происходитъ великое движеніе, ставшее своей цѣлью восстановление истиннаго единства Христіанской Церкви изъ отдѣльныхъ разрозненныхъ Церквей и исповѣданій — это такъ называемое «экуменическое» движеніе. Католики и протестанты многократно и обстоятельно высказывались по этому вопросу. Но голосъ Православія до сихъ поръ еще не былъ достаточно выраженъ. Настоящій сборникъ стремится содѣйствовать выработкѣ православнаго сознанія въ области этой проблемы, давъ возможность высказать различныя точки зрѣнія православнымъ іерархамъ, богословамъ и мыслителямъ разныхъ странъ и Церквей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. *Протоіерей Сергій БУЛГАКОВЪ* (Парижъ) — У Клада Іаковля (Ю. 4. 23). О реальному единствѣ раздѣленной Церкви въ Вѣрѣ Молитвѣ и Таинствѣ 9
2. *Архієпископъ Геліопольскій ГЕННАДІЙ*. (Константинополь) — Главныя догматическія проблемы, относящіяся къ Соединенію Церквей 33
3. *Митрополитъ Буковины НЕКТАРІЙ*. (Чернуцъ) — Единство православной Церкви 53
4. *Николай БЕРДЯЕВЪ*. (Парижъ) — Вселенскость и Конфессіонализмъ 63
5. *А. В. КАРТАШЕВЪ*. (Парижъ) — Соединеніе Церквей въ свѣтѣ исторіи 82
6. *Протопресвитеръ Стефанъ ЦАНКОВЪ*. (Софія) — Церковное единство въ современномъ мірѣ 121
7. *Гамилъкаръ АЛЕВИЗАТОСЪ*. (Афины) — Какъ на дѣлѣ осуществитъ соединеніе Церквей? 131
8. *В. В. ЗѢНЬКОВСКІЙ*. (Парижъ) — Экуменическое движеніе и религиозная работа съ молодежью 142

У КЛАДЕЗЯ ІАКОВЛЯ (ю. 4-23).

О реальному единствѣ раздѣленной церкви въ вѣрѣ,
молитвѣ и таинствахъ.

Мы встрѣчаемъ въ новозавѣтномъ языкѣ выраженіе: церковь и церквѣ, приче́мъ разумѣется съ одной стороны мистическое единство Церкви какъ тѣла Христова, а съ другой — частныя помѣстныя общины, въ которыхъ эта жизнь осуществляется. И у насъ теперь сохраняется то же словоупотребленіе, притомъ не только въ указанномъ смыслѣ, но и еще въ особомъ: именно мы говоримъ о церквахъ еще и въ смыслѣ различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Правда, подобное словоупотребленіе иногда насъ шокируетъ, ибо про себя мы думаемъ (а иногда и вслухъ выражаемъ), что есть только одна Церковь, именно православная (или для католиковъ — католическая), а то, что находится за предѣлами Православія, не есть церковь. Однако, свидѣтельство генія языка не можетъ быть сведено къ простой вѣжливости или лицемерию ради приличія и любезности передъ неправославными; оно въ себѣ содержитъ прямую мысль о нѣкой церкви, отличающейся отъ этихъ не-церквей, которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, отличаются же для насъ отъ не-христіанскаго міра, находясь между собой и съ нами въ какомъ-то единствѣ. Церковный институціонализмъ, знающій церковь лишь какъ установленіе, — видимое и замкнутое общество съ опредѣленными границами, — ограничивается здѣсь въ своей безусловности и обличается въ своей относительности той непосредственной очевидностью, что церковь есть и внѣ церковной ограды, и поверхъ ея: “идѣже два или три собраны во Имя Мое, тамъ и Я посредѣ ихъ”, т. е. тамъ и церковь. Въ евангельскомъ повѣствованіи мы

кладеза Іаковля и ведемъ бесѣду о вѣрѣ, и вопрошаемъ Христа, гдѣ и какъ нужно поклоняться Господу. И нынѣ мы, "іудеи", знаемъ, чему кланяемся, "ибо спасеніе отъ іудеевъ" ("pilla salus extra ecclesiam"). Но и нынѣ Господь открываетъ Себя самарянкѣ и всѣхъ призываетъ къ поклоненію въ духѣ и истинѣ. Жесткій и негибкій, неумолимый институціонализмъ единоспасающей церкви стлавается съ служеніемъ въ духѣ, который «дышетъ гдѣ хочеть, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда придать и куда уходитъ» (Іо. 3, 8). Между Церковью и церковами существуетъ отношеніе не только взаимной исключимости, но и взаимной сопряженности. За оградой Церкви для насъ не пустое мѣсто, но простирается христіанскій міръ, которому во всякомъ случаѣ присуца церковность, однако внѣ Церкви. И это вѣдѣніе, которое съ несомнѣнностью присуще христіанству, въ частности и православію (какъ и католичеству), есть непосредственное откровеніе о существующемъ е д и н с т в ѣ Церкви, которое есть одновременно и данность, и заданность, — и фактъ, и постулатъ. Ни одна историческая церковь не можетъ въ себѣ замкнуться настолько, чтобы не знать и не чувствовать христіанскаго міра за своими предѣлами, или же такое нечувствіе составляетъ уже ея собственную бользнь, или, по меньшей мѣрѣ, ограниченность. Зовъ къ единенію раздается изъ глубины церковнаго самосознанія, и даже самыя явленія е р е с и или р а с к о л а имѣютъ мѣсто только въ жизни Церкви, — язычники и иновѣрные не являются для насъ еретиками или раскольниками. Можно различно представлять себѣ п у т и къ церковному единенію, но уже сама эта цѣль предполагаетъ наличие единства, существующаго ранѣе объединенія. Церковь едина, какъ едина жизнь во Христѣ Святѣмъ Духомъ, только причастность къ этому единству имѣетъ различныя степени или разную глубину. Поэтому и въ отношеніяхъ православія и инославія естественно имѣются два аспекта: отталкиваніе въ борьбѣ истины съ полумистичной, искаженіемъ, но и взаимное влеченіе любви церковной. Исторія и печальная современность больше знаетъ пер-

11

уже отмѣчаемъ эту относительность въ идеѣ церковности. Господь, пришедшій не нарушить законъ, но исполнить, самъ принадлежалъ къ Іудейской церкви, былъ вѣрнымъ израильтяномъ, соблюдавшимъ ея установленія, притомъ несмотря на всю ихъ исключительность. Онъ выступаетъ какъ у ч и т е л ь И з р а и л я, который свидѣтельствуеетъ о Себѣ женѣ сиропиникіянкѣ (Ме. 15, 24): "Я посланъ только къ погибшимъ овцамъ Израіля", и даже еще болѣе жестко: "нехорошо взять у дѣтей и вверещипсамъ" (15, 26). Посылая учениковъ на проповѣдь, Христосъ даетъ имъ наставленіе, начинающееся словами: "Напутъ язычскій не идите, и въ градъ самарянскій не входите, идите же иначе къ погибшимъ овцамъ дома Израілева". И даже въ бесѣдѣ съ самарянкой, хотя и косвенно, подтверждается та же мысль объ исключительности призванія Израіля: "Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаемъ, ибо спасеніе отъ іудеевъ" (Іо. 4, 22). Но рядомъ съ этой исключительностью тутъ же видимъ мы и ея преодоленіе: "Поистинѣ и во Израілѣ не нашелъ Я твоей вѣры" (Ме. 8, 10), съ удивленіемъ говорить Іисусъ о согникѣ, какъ и хананеянкѣ сказали: "велика вѣра твоя, да будеть тебѣ по желанію твоему" (Ме. 15, 28). Но торжественное свидѣтельство в с е л е н с к о й церкви (помимо словъ апостоламъ по поводу желанія Іакова и Іоанна свести огонь на самаритянъ: "не знаете, какого вы духа"), мы имѣемъ, конечно, въ бесѣдѣ Христа съ самарянкой у кладеза Іаковля. Здѣсь одинаково выразительны и самыя факты этой бесѣды, поражающій учениковъ (Іо. 4, 27), и вселенскій благовѣстъ словъ Христовыхъ: "повѣрь Мнѣ, что наступаеетъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу. Настаеетъ время, и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ, ибо таковыя поклонниковъ Отецъ ищетъ Себѣ" (4, 21, 23). И ей, самарянкѣ, открываетъ, что Онъ есть Христосъ.

Всѣ событія жизни Христовой имѣютъ не временное только, но и универсальное значеніе, въ частности и беседа Христа съ самарянкой. Ибо и нынѣ мы стоимъ у

16

ую сторону отношений, именно взаимное противление. Духъ схизмы и ереси (т. е. раздѣленія) живеть, вѣдь, не только у "еретиковъ" и "схизматиковъ" (каковыми себя, конечно, никто не признаетъ, такъ что эта квалификация всегда примѣняется лишь въ т р е т ь е м ь лицѣ). Воля къ раздѣленію есть тотъ злой геній, который расколеть сначала западный и восточный міръ и продолжаться дальше и дальше свое недоброе дѣло.. Онъ живеть иногда и въ такихъ іерархахъ (какъ и мірянахъ), которые почитаютъ себя самыми ревностными хранителями ортодоксии, но къ которымъ, однако, относится слово Христова: "не знаете, какого вы духа". Однако, можетъ ли, дѣйствительно, умолкнуть въ насъ, хотя на мгновение, сознание своей церковной правды, а, слѣдовательно, и правды и н о -славія, и н о -мыслящихъ? И не явится ли это, въ свою очередь, грѣхомъ холодности, маловѣрія, эклетическаго предраснодушія, ищущаго укрыться отъ исповѣданія своей правды и, если нужно, страданія за нее? Такимъ образомъ, въ притяженіи и отталкиваніи, въ единствѣ и раздѣленности, въ любви (церковной) и не-любви (также церковной) мы имѣемъ своеобразную диалектику церковности, въ которой сопряжены тезисъ и антитезисъ, причемъ чѣмъ болѣе напрягается одинъ, тѣмъ болѣе обостряется другой. Путь "экуменической" церковности, ищущей церковнаго единства сопровождается одновременно сознаниемъ и уточнениемъ вѣроисповѣдныхъ различій, но и расущимъ сознаниемъ своего единства. "Экуменизмъ" самъ по себѣ есть о п ы т ь такого единства, новое о немъ откровеніе. Изъ этого д а и н ь т ь, тезиса и антитезиса, какъ будто нѣтъ исхода, который бы снималъ и преодолѣвалъ, а не просто бы упразднялъ или насловалъ антиномію. Но Духъ Божій, благодать Св. Духа можетъ, дѣйствительно, снять эту антиномію въ нѣкоемъ н о в о м ь синтезѣ, — не черезъ соглашеніе или компромиссъ, но новымъ вдохновеніемъ, его же чаемъ. Различіе исповѣданій проявляется прежде всего въ догматическихъ разногласіяхъ, а затѣмъ и въ вытекающихъ изъ нихъ религиозно - практическихъ различіяхъ. Они являются пред-

12

метомъ догматическаго обскуденія, относительно нихъ ведутся споры и ищутся соглашенія. Они лежатъ на поверхности и всѣми ощутимы. Но то, что составляетъ е д и н ст в о церковное, какъ данное уже, существующее основаніе стремленія къ единенію, это лежитъ въ глубинѣ, оно нелегко можетъ быть найдено и ошупано. А между тѣмъ это есть одновременно и долгъ любви церковной, и практической цѣлесообразности — ошутить и выявить положительную духовную основу христіанскаго "экуменизма", не только какъ идею, но уже и какъ существующій, благодатный фактъ. Его намъ дано опытно переживать какъ благодатное вѣяніе Духа Божія, какъ явленіе Пятидесятницы, когда люди начинаютъ взаимно понимать другъ друга въ разномъязычій своемъ. Эту то положительную основу существующаго единства христіанскаго міра и попытаемся выявить здѣсь въ краткихъ чертахъ.

1. Молитва. Совершившееся церковное раздѣленіе, каково бы оно ни было въ своемъ происхожденіи, сопровождается разобщеніемъ въ молитвѣ, это есть и губочайшая скорбь, а вмѣстѣ и отрава. Конечно, внѣшнее раздѣленіе можетъ и не устранить взаимной молитвы внутренней, — это есть дѣло широты христіанскаго сердца. Однако, видимый разрывъ въ молитвѣ остается большой и неисцѣлимой раной на тѣлѣ церковномъ. Вся исторія церкви (такъ же, какъ и наша трагическая русская современность) полна такихъ разрывовъ, церковное единство (даже въ пределахъ одной и той же церкви) — увыв! — осуществляется черезъ свое отрицаніе, какъ уровень океаническихъ водъ существуетъ лишь въ качествѣ средней подѣема и паденія волнъ. Такова логика нашего немощнаго естества, несобснаго вмѣстить истину иначе, какъ только частично, черезъ отступленія отъ нея. Разобщеніе въ молитвѣ, однажды возникнувъ, стремится закрѣпиться, слѣдатель длительно и постоянно. Мы имѣемъ теперь странное и соблазнительное зрѣлище, что христіане молятся Богу и Спасителю своему Господу Іисусу Христу въ отдѣльныхъ, несообщающихся между собою обществахъ: единство вѣры не ведетъ къ единству молитвы. И даже больше того. Раз-

13

дѣленіе это закрѣпляется и утверждается въ церковныхъ правилахъ, правда, возникшихъ въ IV-V в. в., но доселѣ имѣющихъ силу дѣйствующаго закона, неотмѣненныхъ формально, хотя и отмѣняемыхъ жизнью. Именно, 10, 11, 45 правила такъ называемыя "Апостольскія", запрещаютъ молиться съ "отлученными отъ общенія церковнаго", а клирики, епископы, пресвитеры и діаконъ, съ еретиками только молившеся, отлучаются. То же подтверждается въ 33 правилѣ Лаодикійскаго собора: "Не подобаетъ молиться съ еретиками и отщепенцами". Конечно, общая мысль этихъ правилъ есть устранить "безразличіе, причину золь" (прав. св. Никифора Исповѣдника, вопр. 10), принятіемъ мѣръ оборонительнаго характера, соответствующихъ острой стадіи борьбы съ ересью или расколомъ. Но оборона теряетъ свое значеніе тамъ, гдѣ уже отсутствуетъ наступленіе, что мы и имѣемъ въ рядѣ междувѣроисповѣдныхъ отношеній въ наши дни. Намъ надлежитъ знать не только то, что насъ раздѣляетъ, но и то, что о с т а е т с я о б щ и м ъ, н е с м о т р я н а р а з д ѣ л е н і я. Эта возможность жизненнаго опознанія того, что является достояніемъ всего христіанскаго міра, есть великое и благодатное достиженіе современнаго "экуменизма", т. е. движенія, направленаго къ единенію церковному. Встрѣча христіанъ разныхъ исповѣданій, к а к ъ х р и с т і а н ѣ, есть великая радость, посылаемая въ наши дни Духомъ Святымъ, и новое откровеніе вселенской Пятидесятницы. Конечно, нѣтъ ничего легче, какъ критиковать это "панхристіанство", указывая, что нѣтъ христіанства вообще, а существуетъ лишь единая истинная церковь въ нерушимой конкретности и цѣлостности своей. Это, конечно, вѣрно въ томъ смыслѣ, что полнота богопочитанія въ установленномъ и боговдохновенномъ культѣ возможна только при единомыслии и, главное, при отсутствіи явнаго разномыслія. Однако же, и при этомъ остается х р и с т і а н с т в о, какъ вѣра въ Господа, любовь къ Нему и молитва, и это христіанство для насъ существуетъ не только въ православіи, но и вообще какъ таковое, т. е. и внѣ его, какъ нѣчто такое, что можетъ быть нѣкимъ образомъ выведено за скобки, какъ общее

для всѣхъ исповѣданій. Это со всею ясностью сознается въ миссіонерской работѣ, въ которой христіанамъ приходится, стоя передъ лицомъ язычества, глуже и полнѣе сознавать свое христіанство. И несмотря на то, что культъ или богослуженіе есть самое конкретное въ жизни вѣроисповѣданія, все же остается мѣсто для общехристіанской вѣнѣроисповѣдной молитвы, внѣ культа и устава или, лучше сказать, съ своимъ собственнымъ, вновь слагавшимся уставомъ. Въ настоящее время общая молитва христіанъ разныхъ вѣроисповѣданій, въ храмахъ и внѣ храмовъ, становится все болѣе и болѣе обычнымъ фактомъ. Въ частности, православные давно уже м о л я т с я с ъ и н о с л а в н ы м и в ѣ с о о т в ѣ т с т в у ю щ и х ъ с л у ч а я х ъ. Молится съ инославными и католики, конечно, также при наличіи соответственныхъ обстоятельствъ. Эта новая практика не есть только вольность или любезность, недопустимая при строгой и отвѣтственной дисциплинѣ (какъ это доселѣ и думаютъ многіе), но общехристіанское достиженіе, умѣнье соединиться въ томъ, что является р е а л ь н о о б щ и м ъ. И этой нашей общей христіанской радостью и утѣшеніемъ является, конечно, прежде всего молитва молитвъ, — молитва Господня, включенная въ св. Евангеліе. Въ ней соединяются в с ѣ х р и с т і а н е, конечно, безъ всякаго исключенія. Въ расширенномъ смыслѣ сюда же относятся и другія евангельскія молитвы, прямо или косвенно взятая изъ Евангелія.

Къ этому нужно присоединить далѣе и всѣ ветхозавѣтныя молитвы, въ частности Псалтирь, а также и новыя, частью импровизируемая, частью вновь составляемая или же включаемая во всеобщее употребленіе молитвы ("devotions"). Когда-нибудь православная церковь установитъ для этой практики общія нормы и дастъ нужныя соотвѣтствующія указанія. Пока же это дѣлается ошулью, отъ случая къ случаю. Догматически эта общая молитва можетъ обосновываться тѣмъ фактомъ, что всѣми христіанами свята и призывается Имя Христово, въ которомъ для молящагося присутствуетъ самъ Христосъ. "Идѣже два или три собраны во Имя Мое, тамъ Я посредѣ ихъ" (Ме.

ное восприятіе Слова Божія, которое имѣетъ свою жизнь въ Церкви, какъ въ соборномъ ея сознаниі (преданіи), такъ и лично разумѣніи. И что особенно важно, лично и со всѣмъ Божіемъ словомъ (а далѣе и со всѣмъ Заветомъ) ничто не можетъ замѣнить. Надо сказать правду, что среди православныхъ народовъ личное чтеніе Слова Божія распространено значительно менѣе, чѣмъ у протестантовъ (это воспользуясь, хотя только отчасти, Библия и Евангеліе являются общими христианскимъ достояніемъ, и весь христианскій міръ, въ данномъ случаѣ безъ различія исповѣданій, склоняется надъ Евангеліемъ. Св. Евангеліе и нынѣ соединяетъ раздѣлившіяся исповѣданія. На всѣхъ языкахъ міра проповѣдуется оно въ самотождественности своей. Говорятъ, что истинное разумѣніе Евангелія дается только въ Церкви. Это, конечно, такъ. Но что именно это означаетъ? Развѣ существуетъ, въ самомъ дѣлѣ, особое, ц е р к о в н о е существованіе и истолкованіе Евангелія, которое развѣ навсегда опредѣлило бы собой, заключило бы въ себя, исчерпало бы собой Слово Божіе? Конечно, н е существуетъ и не можетъ существовать, какъ не дано временному ограничить вѣчнаго. И не справедливѣе ли думать обратное, что искренніе и благоговѣйные читатели Евангелія чрезъ то уже въ Церкви, въ Церкви единой, Евангельской *).

3. Духовная жизнь. Христианинъ, живя въ Церкви, имѣетъ необходимо и свою личную жизнь—во Христѣ, свое отношеніе съ Нимъ, которое является одновременно и личнымъ, и церковнымъ. Догматъ и догматическія особенности не могутъ не отражаться на этомъ личномъ опытѣ. Однако, при отсутствіи христологическихъ различій, т. е., проще говоря, при наличіи вѣры во Христа, какъ Сына Божія, Спасителя и Искупителя, существуетъ чрезвычайно широкая общность христианской жизни, даже и при су-

* Сказанное примѣнимо, конечно, и ко всей Библии, прежде всего Новому, а затѣмъ и Ветхому Завету, но ради краткости на этомъ не останавливаемся.

ществованіи догматическихъ различій. Развѣ “раздѣлился Христосъ” для теперешняго православнаго, католика, вѣрующаго протестанта? Въ любви къ Господу нашему и въ стремленіи къ Нему всѣ христиане суть едино. Поэтому является общими и для всѣхъ доступнымъ языкъ м и с т и к о в ъ, какъ и ихъ опытъ. Духовная жизнь, въ которой происходитъ касаніе божественной реальности, и сейчасъ гораздо больше соединяетъ христианъ, нежели догматическое сознаніе. Когда мы чувствуемъ трепетъ этихъ касаній, на него отзывается наша душа, независимо отъ вѣроисповѣднаго соотношенія. Въ живомъ общеніи представителей разныхъ исповѣданій создается возможность такого взаимнаго познанія, которое дѣйствуетъ болѣе убѣдительно, чѣмъ слова, оно связываетъ и обязываетъ. Ибо узнается, что «Христосъ посредь насъ», ощущается въяніе Духа Святаго. Это есть, можетъ быть, самый важный результатъ взаимообщенія разныхъ исповѣданій, который не отражается въ формулахъ и постановленіяхъ и, однако, представляетъ собой духовную реальность. Въ теченіе Лозанской конференціи, въ особенности въ началѣ и въ концѣ ея, это чувство нѣкогого общаго духовнаго опыта, единенія во Христѣ, достигало чрезвычайной напряженности. Для всѣхъ было ясно, что н ѣ ч т о п р о и з о ш л о, поверхъ и помимо всего, закрѣпленнаго въ отчетахъ и постановленіяхъ. И чѣмъ выше напряженіе духовной жизни, тѣмъ естественнѣе оно переливается за вѣроисповѣдныя грани и соединяетъ людей. Съ другой стороны, помимо такого опыта вообще и не можетъ быть христианскаго единенія. Напротивъ, это послѣднее только и бываетъ осуществляемо въ христианскомъ вдохновеніи, новымъ явленіи Пятидесятницы, котораго чаемъ, но частично уже и обрѣтаемъ. Это единеніе во Христѣ, устанавливаемое сродствомъ христианскаго опыта, есть нѣкое т а и н с т в о духовной жизни, какъ бы духовное сопричащеніе единаго Христа, задолго до того, когда можетъ совершиться фактическое причащеніе изъ одной чаши. Это реальное тожество или, во всякомъ случаѣ, сродство опыта всего христианскаго міра, при всей его множественности, вообще говоря, отнюдь не достаточно

Итакъ, существуетъ даже и теперь нѣкое духовное единство и взаимообщеніе всего христіанскаго міра, хотя и не выраженное ни въ какихъ согласительныхъ формулахъ. Зато оно не боится и никакихъ заперщений и анаематствований. Но къ этому мистическому, алогическому, адогматическому единству христіанскаго міра нужно еще присоединить и наличность его догматическаго единства. Въ слѣдствіе извѣстной односторонности, исторически, можетъ быть, и понятной, христіане разныхъ исповѣданій остро воспринимать свои догматическія разногласія, но не ощущаютъ въ такой мѣрѣ своего согласія, — первымъ для нихъ совершенно поглощается второе. Опредѣленіе "еретикъ", относящееся лишь къ опредѣленнымъ чертамъ міровоззрѣнія, распространяется и на все о человѣка, который въ сѣцѣло анаематствуется за эту частную ересь. Такъ было въ продолженіи всей исторіи христіанства, однако, это еще не даетъ заключить, что это правильно. На самомъ же дѣлѣ это совершенно неправильно и можетъ объясняться нѣкоторой слѣпотою ревности къ вѣрѣ и догматическими страстями. Кромѣ того, въ древности гораздо менѣе стѣснялись въ выраженіяхъ, чѣмъ въ наше время, но усвоить намъ теперь при нашей современной психологіи этотъ языкъ совершенно несоответственно. И если мы провѣримъ наши фактическія разногласія въ догматахъ, они, конечно, не станутъ менѣе существенными, но они не заслоняютъ для насъ столь же существенныхъ пунктовъ и нашего согласія съ "еретиками", ибо пора, наконецъ, это громко сказать и признать: не сущестуетъ еретиковъ вообще, но лишь въ частностяхъ, въ опредѣленномъ отношеніи. Такой смыслъ, въ числѣ другихъ, имѣетъ и слово Ап. Павла: "Подобаётъ быть ересямъ (разномыслиямъ) между вами, да откроются искуснѣйшіе" (I Кор., 11, 19). Конечно, частная ересь представляетъ собой и общую болѣзнь, повреждающую духовную жизнь, однако, ее не убивающую. И намъ трудно и, можетъ быть, невозможно опредѣлить дѣйствительную степень этой поврежденности въ ту эпоху, когда впервые возникло данное догматическое разногласіе. Не

79
сознается, но фактически оно существуетъ. Развѣ мы не познаемъся и не назидаемся духовно изъ сочиненій "инославныхъ" авторовъ, развѣ ихъ благочестіе, ихъ любовь къ Христу насъ не трогаютъ и не вдохновляютъ? Къ сожалѣнію, сознание наше гораздо легче выдѣляетъ догматическія несогласія и въроисповѣдныя отличія, нежели это общее христіанское достояніе. Мистическій, и если можно такъ выразиться, идейный Intelkomsjion христіанъ всегда существовалъ и существуетъ, и въ наши дни болѣе, чѣмъ раньше. Взаимное общеніе представителей богословской мысли, обмѣнъ идей, работа научнаго и богословскаго изслѣдованія, нѣкая общая жизнь "надъ Евангеліемъ" — все это дѣлаетъ раздѣленіе христіанскихъ въроисповѣданій въ извѣстной мѣрѣ давно уже частично несуществующимъ. Для его поддержанія нужно было бы отгородиться совершенно отъ всего инославнаго міра, что, по милости Божіей, стало уже окончательно невозможнымъ. "Символическое богословіе" также все болѣе становится изъ "обличительнаго" сравнительнымъ, и еще болѣе надо это сказать про сочиненія мистическаго и духовно-назидательнаго, аскетическаго характера, какъ и про житійную письменность, ибо образы святыхъ составляютъ достояніе всего христіанскаго міра. Съ какой внимательностью и набожностью всматривается западный міръ (хотя бы современное англиканство) въ лики русскихъ святыхъ, или, наоборотъ, съ какими вниманіемъ и мы всматриваемся въ образы великихъ западныхъ святыхъ, св. Женевьевы, св. Франциска Ассизскаго и др. И это духовное взаимообщеніе, которое, естественно, все болѣе возрастаетъ, мы должны сознательно въ себя культивировать. Не нужно бояться, что черезъ это мы духовно теряемъ самихъ себя, растрчиваемъ свое духовное достояніе. Напротивъ, черезъ это мы его скорѣе приумножаемъ, во-первыхъ, потому, что усвоаемъ себя дары, данные другимъ (ибо дары различны, и служенія различны), во-вторыхъ, потому, что черезъ сравненіе опознается полнѣе и глубже и наше собственное естество. Не познаемъ ли мы сами нынѣ православіе яснѣе и глубже чрезъ то, что входитъ въ соприкосновеніе съ инославіемъ?

22
надо забывать и того, что кроме ересей сознания, существуют еще и ереси ж и з н и, состоящая не только въ грѣховности, но и жизненной неполнотѣ, о д н о ст о р о н н о с т и х р и с т і а н с к а г о п у т и (что и соотвѣтствуетъ подлинному, изначальному значенію слова ересь). Можно, будучи православнымъ, практически монофизитствовать, въ сторону ли докетическаго спиритуализма или манихейства, что чаще всего наблюдается въ восточномъ христіанствѣ, или несторіанствовать, раздѣляя объ природы Христа (этимъ фактически является примиреніе съ "секуляризацией" культуры). И въ этомъ смыслѣ, с в ѣ о к а ж у т с я, м о ж е т ѣ б ы т ь, е р е т и к а м и, в ѣ р а з н о й с т е п е н и и в ѣ р а з н о м ѣ о т н о ш е н и и. Однако, отсюда отнюдь не слѣдуетъ, чтобы не существовало православія и православныхъ. Изъ этого только слѣдуетъ, что ересь, какъ таковая, повреждаетъ и ограничиваетъ, но не уничтожаетъ жизни во Христѣ и Церкви Его. Самое понятіе ереси, какъ и раскола, существуетъ только въ предѣлахъ церкви, а не внѣ ея, и оно означаетъ ущербленность церковной жизни. Поэтому ошибочно понимать даже догматическое анаеизированіе, какъ духовную смертную казнь, полное отдѣленіе отъ церкви. Подобнымъ ужаснымъ актомъ взаимно обмѣнялись въ свое время восточная и западная церкви въ лицѣ папы Николая III и патріарха Михаила Керулларія (и можно поистинѣ сказать, что анаеизмы эти тяготеютъ до сихъ поръ надъ христіанскимъ міромъ и надъ всѣми нами, въ нихъ неповинными). Однако, даже и послѣ этой анаеизмы не перестала для насъ Римская церковь быть христіанскою церковью, допустимъ, даже еретическою, какъ и мы для Римской. Д и с ц и п л и н а р н о, для даннаго церковнаго общества, анаеизма е с т ь с м е р т н а я к а з н ь, отъсѣченіе отъ церковнаго общенія. Однако, эта дисциплинарная мѣра не можетъ и не должна быть распространена на все церковное бытіе, ибо, — надо и это громко сказать, — и еретики находятся въ церкви, и мѣру гибельности для нихъ еретичества намъ знать не дано.

Отсюда слѣдуетъ, что, если еретичество есть лишь частное поврежденіе, то въ нашемъ отношеніи къ еретикамъ

или разномыслящимъ должно имѣть значеніе не только то, что въ нихъ еретично, но и что православно, въ чемъ они продолжаютъ пребывать въ церкви. Въ самомъ дѣлѣ, имѣя ересь въ ученіи о церкви, перестаютъ ли протестанты или католики православно вѣровать во Св. Троицу и Господа Иисуса Христа? Имѣя неправильную доктрину о filioque перестаютъ ли католики вѣровать въ искупительное дѣло Христова, въ церковныя таинства? И хотя это какъ будто само по себѣ очевидно, однако, нужно всѣмъ христіанамъ отъбъственно сознавать не только свои расхожденія, но и свое согласіе, а это послѣднее устанавливается ни много, ни мало общимъ христіанскимъ исповѣданіемъ. Нашъ символъ вѣры, Никео-Константинопольскій (правда, искаженный filioque) вмѣстѣ съ почитаемыми и въ нашей церкви древними символами Apostolicum и Athanasianum является общимъ исповѣданіемъ всѣхъ трехъ основныхъ вѣтвей христіанства: православія, католичества и протестанства, и это догматическое основаніе единства никогда не должно забываться.

3. Таинства. Въ настоящее время въ таинствахъ христіанскія исповѣданія наиболѣе реально раздѣлены другъ отъ друга. Общеніе въ таинствахъ остается еще лишь путевой ной звѣздой, отдаленной цѣлью, которая, хотя и достигается уже въ предѣлахъ протестантскаго міра, но остается совершенно неосуществимой въ отношеніяхъ между тремя основными вѣтвями историческаго христіанства: православіемъ, католичествомъ и протестанствомъ. Въ отношеніи православія и католичества къ протестанству главнымъ раздѣляющимъ препятствіемъ является отсутствіе у протестантовъ законнаго священства, апостольскаго преемства; для взаимныхъ же отношеній первыхъ двухъ между собой нѣтъ этого препятствія. Въ подавляющемъ большинствѣ христіанскихъ исповѣданій (можетъ быть, кромѣ квакеровъ или friends) признаются таинства, подаваемая Господомъ Иисусомъ Христомъ во Св. Духѣ, и существуетъ практика этихъ таинствъ, при всемъ различіи въ богословскомъ ученіи о нихъ. Какъ надо относиться къ р е с л ь н о с т и этихъ таинствъ и въ какой мѣрѣ является рѣша-

Юшимъ здѣсь то или иное ихъ богословское истолкованіе? Хотя это послѣднее и можетъ оказывать вліяніе на дѣйствительность таинства (однако, лишь со стороны ех орегe oregatis, а не ех орегe oregato), тѣмъ не менѣе, при на личи о б щ е й в ѣ р ы, напр., въ таинство Тѣла и Кро в и обычно чрезвычайно преувеличивается значеніе доктринальных различій въ области евхаристическаго богословія.

Слѣдуетъ прежде всего установить, какъ общій принципъ, д ѣ й с т в е н н о с т ь таинства въ различныхъ церковныхъ обществахъ. Однако, можно ли принять этотъ принципъ въ качестве основнаго руководящаго начала? Или же таинства за каноническими предѣлами церковной организаціи являются вообще ничтожными, недѣйствительными, оставаясь лишь благочестивыми обрядами или же (согласно кошунственному мнѣнію нѣкоторыхъ) — таинствами "демонскими"? Послѣднее мнѣніе, порожденіе конфессиональнаго фанатизма, не было и не можетъ быть подтверждено богословскими аргументами; напротивъ, оно находится въ прямомъ противорѣчій съ дѣйствительнымъ разумѣніемъ Церкви, какъ оно обнаруживается въ ея практикѣ. При этомъ недостаточно и того признанія силы таинства за предѣлами Православія, какое выражено въ одномъ изреченіи (въ письмахъ) епископа Феофана Затворника. Вышенскій святитель, спрошенный о протестантскомъ причащеніи, отвѣтилъ: "По вѣрѣ ихъ дано будетъ имъ". Это сведеніе вопроса объ объективной дѣйствительности таинства лишь къ ихъ субъективной дѣйствительности ех орегe oregatis, конечно, стоитъ неизмѣримо выше упомянутаго кошунства о "лицѣ демоновъ", однако, оно уклоняется отъ прямого отвѣта на вопросъ объ объективной дѣйствительности таинства (ех орегe oregato), который неизбѣжно возникаетъ, по крайней мѣрѣ, при опредѣленіи отношеній между православіемъ и католичествомъ, но существовать и относительно протестантизма. Это безспорно, что при отсутствіи каноническаго церковнаго общенія, таинства, совершающіяся за каноническими предѣлами данной церковной организаціи, к а н о н и ч е с к и и

фактически для насъ какъ бы не существуютъ (это мы имѣемъ при всякой схизмѣ). Однако, означаетъ ли эта каноническая недѣйствительность (popelificitas) ихъ мистическую недѣйствительность (popvalitas)? Означаетъ ли это, что мы, будучи разобщены канонически, а въ извѣстной мѣрѣ даже догматически, оказываемся разобщены въ нашѣмъ таинственномъ общеніи со Христомъ, въ дарахъ Св. Духа? Или, дѣйствительно, въ насъ раздѣлился Христосъ? Или же православные уже не во Христѣ, чужды Его тѣла? Надо крѣпко и отвѣтственно подумать, отвѣчая на этотъ вопросъ, самый, быть можетъ, существенный въ пониманіи нашихъ взаимоотношеній съ инославіемъ. Онъ распадается на два вопроса: о значеніи к а н о н и ч е с к и хъ раздѣленій и д о г м а т и ч е с к и хъ различій для дѣйствительности таинства.

Первый вопросъ разрѣшается въ томъ смыслѣ, что каноническія раздѣленія (расколы) лишь устраняютъ возможность прямого и непосредственнаго общенія въ таинствахъ, но не упраздняютъ ихъ дѣйствительности, а, слѣдовательно, и невидимаго общенія видимо разобщенныхъ, и въ этомъ заключается великая радость и утѣшеніе передъ лицомъ печальнаго и грѣховнаго факта каноническихъ раздѣленій въ церкви. Мы можемъ (и должны) считать, что, находясь въ каноническомъ раздѣленіи со всею католическою церковью, мы не переставали и не перестаемъ оставаться съ нею въ невидимомъ общеніи таинствъ, можно сказать, ех орегe oregato. (И ужъ, конечно, въ еще большей степени нужно это сказать относительно частей православной церкви, по тѣмъ или другимъ причинамъ раздѣлившимся между собой: греко-болгарская схизма, современные расколы въ русской церкви и т. под.). Вообще, послѣдовательно отрицать дѣйствительность таинства по к а н о н и ч е с к и мъ основаніямъ возможно было бы лишь исходя изъ римско-католическаго ученія о главенствѣ папы и о подчиненіи его юрисдикціи, какъ существовавшемъ условиіи самой принадлежності къ церкви. Однако, такого радикальнаго вывода (не безъ нѣкоторой непослѣдовательности) не дѣлать и сама католическая церковь, признаю-

26
чая действительность таинствъ въ православіи. Каголи-
зирующее направление въ православіи иногда идетъ здѣсь
дальше самого католичества, ставя въ зависимость отъ ка-
ноническихъ условий дѣйственность самого таинства. В о-
г о с л о в к и такая точка зрѣнія не можетъ быть под-
держиваема безъ существеннаго извращения ученія о церк-
ви и таинствахъ въ сторону каноническаго формализма и,
во всякомъ случаѣ, никогда не была доказана, хотя и
утверждается въ качествѣ прочнаго предразсудка. Наобо-
ротъ, слѣдуетъ сказать, что раздѣлившіяся части церкви,
по крайней мѣрѣ, при наличіи апостольскаго преемства, —
находятся въ невидимомъ таинственномъ общеніи между
собою чрезъ видимыя, хотя и сдѣлавшіяся взаимно недо-
ступными таинства, совершаемая въ предѣлахъ каждой
изъ раздѣлившихся церквей. Иными словами, совершив-
шея раздѣленіе не проходить до дна, оно ограничено и
не раздѣляетъ Тѣла Христова, Церкви Его,

Однако, остается во всей силѣ вопросъ о значеніи для
дѣйственности таинствъ не каноническихъ только, но и
догматическихъ раздѣленій. Насколько отклоненіе въ дог-
матическомъ ученіи способно упразднить силу таинства,
сдѣлать не дѣйствительнымъ самый его фактъ? Здѣсь слѣ-
дуетъ прежде всего выдѣлить тѣ случаи, когда поврежде-
ніе касается не отдѣльныхъ таинствъ, но ихъ совершите-
лей. Мы разумѣемъ протестантизмъ, гдѣ чрезъ упраздне-
ніе благодатнаго священства умалается и даже ставится
подъ вопросъ благодатная сила таинства, несмотря на пол-
ное признаніе его въ принципѣ. Можно ли говорить о таин-
ствахъ въ протестантизмѣ? Къ счастью, и на этотъ вопросъ
есть основаніе отвѣтить не только отрицательно. Осно-
ваніе для этого заключается въ томъ фактѣ, что церковь
признаетъ дѣйствительность протестантскаго крещенія,
какъ это явствуетъ изъ того, что она его не повторять
въ случаяхъ присоединенія протестантовъ. Это признаніе
есть фактъ чрезвычайной значительности. Онъ свидѣтель-
ствуетъ, что, по крайней мѣрѣ, въ таинствѣ духовнаго рож-
денія въ Церковь мы пребываемъ въ общеніи съ протестан-
тами, какъ христіане, члены единого Тѣла Христова. Въ

крещеніи же заключена общая возможность таинственной
жизни въ Церкви, оно есть въ этомъ смыслѣ П О Т Е Н-
ц і а л ь и всѣхъ дальнейшихъ таинствъ*), которые въ
церкви реализуются въ полномъ. Въ протестантизмѣ они
имѣютъ лишь частичное, обѣдненное бытіе, какъ благода-
ря суженію его области чрезъ сокращеніе числа таинствъ,
такъ и въ особенности чрезъ отсутствіе священства. Од-
нако, это послѣднее позволяетъ ли говорить о полной без-
дѣйственности таинственной жизни, въ частности, даже
причащенія, въ протестантизмѣ? Строго говоря, и на это
мы не имѣемъ права, и не только по субъективному осно-
ванію, указанному еп. Феофаномъ, но и согласно объектив-
ному принципу тайнодѣйствія, по которому это послѣднее
принадлежитъ в с е й церкви, хотя и осуществляется ею
ч р е з ъ клиръ, при необходимомъ его участіи. Этого
клира въ собственномъ смыслѣ н ѣ т ь въ протестан-
тизмѣ, однако, народъ церковный, "царственное священ-
ство", остается и здѣсь, и потенциаль св. крещенія раскры-
вается и осуществляется здѣсь иными путями, хотя и безъ
полноты церковной: вмѣсто дѣйственныхъ таинствъ — нѣ-
кіе благочестивые обряды и моленія. Однако, если они не
суть истинныя таинства, то можно ли сказать, что они ни-
что? Этого н е л ь з я сказать, и не только по чувству
христіанской любви, но и ради христіанской правды: клиръ
не есть магическій аппаратъ для совершенія таинствъ, но
церковное служеніе, существующее въ церкви и для церк-
ви. Поэтому Феофановское слово "по вѣрѣ ихъ дано бу-
детъ имъ" нужно понять въ томъ смыслѣ, что Господь не
оставляетъ Своей благодатью и это Свое стадо, отторгну-

*) Остается еще вопросъ о христіанахъ, вовсе не крещеныхъ
— квакерахъ, и о перекрещиваемыхъ, — баптистахъ. Что касается
первыхъ, то къ нимъ можетъ быть приложена идея католическаго
богословія о крещеніи духовномъ чрезъ желаніе креститься (var-
tisma plamini). Что же касается вторыхъ, то, разумѣется, съ пер-
воначальной точки зрѣнія перекрещиваніе есть обрядъ, какъ таинство
не дѣйствительный, въ виду неотвратимости таинства крещенія,
и имѣющей значеніе лишь субъективное и декларативное, но онъ
не уничтожаетъ силы первоначальнаго крещенія, если оно имѣло
совершающуюся впервыѣ.

тое историческими судьбами отъ полноты церковной жизни. Тѣмъ не менѣе, говорить объ общеніи таинствъ (кроме крещенія) въ отношеніи къ протестантамъ возможно лишь въ общемъ и неопредѣленномъ смыслѣ ихъ участія въ благодатной жизни церкви, но не болѣе. Болѣе же непосредственному и подлинному общенію въ таинствахъ съ протестантскимъ міромъ препятствуютъ отсутствіе здѣсь законнаго священства: это есть порогъ, черезъ который нужно протестантизму перейти, — восстановление іерархіи апостольскаго преемства.

Однако, такого препятствія не существуетъ для тѣхъ частей раздѣлившейся церкви, которыя это преемство сохранили и имѣютъ поэтому законное священство. Сюда относятся православіе и католичество, вмѣстѣ съ древними восточными церквами (а также и епископальная церковь въ протестантизмѣ, въ частности и англиканство, при наличіи положительнаго церковнаго рѣшенія вопроса объ англиканскихъ ординаціяхъ). Священство православія и католичества взаимно являются не каноничными, вслѣдствіе существующей схизмы, что, однако, не мѣшаетъ взаимному же признанію ихъ дѣйствительности, какъ это явствуетъ изъ факта принятія іерарховъ въ суцѣмъ санѣ со стороны обѣихъ церквей. Эта каноническая отчужденность устанавливаетъ какъ бы непроницаемость между обѣими церквами въ ихъ таинственной жизни, которая, однако, опознается при ихъ непосредственномъ сопрیکосновеніи (т. е. въ случаѣ перехода изъ одной церкви въ другую). Въ такомъ случаѣ становится очевидной дѣйствительность таинствъ, независимо отъ ихъ канонической значимости. Въ частности, можетъ быть установлена дѣйствительность таинства крещенія и священства, а далѣе и связаннаго съ нимъ муропомазанія (и брака, хотя послѣдній, какъ естественное таинство, признается дѣйствительнымъ не только у протестантовъ, но даже и за предѣлами церкви, такъ что входящіе въ нее и состоящіе въ бракѣ снова не перевѣнчиваются). Этому нельзя установить съ такою же точностью относительно такихъ таинствъ, которыя совершаются лишь внутри каждой церкви: покаянія, елеосвященія и евхаристіи

(сюда же можетъ быть отнесено и монашеское постриженіе). Однако, было бы вопиющей непослѣдовательностью признавать дѣйствительность священства (и совершаемаго имъ муропомазанія), но не признавать или ограничивать въ дѣйствительности другія таинства, имѣя совершаемыя *). Отсюда слѣдуетъ, что таинства совершаются и за предѣлами церкви, какъ организаціи. Каноническія и даже догматическія поврежденія въ извѣстныхъ предѣлахъ, по свідѣтельству церкви, не уничтожаютъ дѣйствительности таинствъ, и даже если они и повреждаютъ или умаляютъ ихъ дѣйствительность, однако, послѣдняго не дано вѣдать человѣку. Но отсюда проистекаетъ огромной важности выводъ: церковь, сохраняющая священство, хотя и разобщена, но не раздѣлена въ жизни таинствъ. Иными словами, раздѣленіе церкви не проходитъ до глубины, въ свѣтѣ ей таинственной жизни и Церковь остается единой, до крайней мѣры, это можно утверждать объ отношеніяхъ между православіемъ и католичествомъ. Строго говоря, соединеніе церквей здѣсь даже и не требуется, хотя, къ сожалѣнію, это единство обычно и мало сознается. Что отсюда слѣдуетъ? Церкви, сохранившія указанное единеніе въ таинствахъ, раздѣлены нынѣ канонически, въ смыслѣ юрисдикціи, и догматически, въ смыслѣ цѣлаго ряда различій, которыя, однако, остаются безсилыя упразднить дѣйствительность таинствъ. Что требуется для полнаго воссоединенія, и съ чего начать? Обычно считается, что для дѣйствительнаго соединенія, которое могло бы выразиться въ общеніи въ таинствѣ (Итекоммуніон) и въ особенноти въ общеніи евхаристическомъ, требуется прежде всего каноническое общеніе,

*) Есть такое мнѣніе будто благодать священства для католиковъ сообщается лишь силою присоединенія ихъ къ православію, и подаваемой чрезъ него полноты благодати. Однако чрезъ присоединеніе къ православію протестантскій пасторъ никогда не становится священникомъ, такъ же какъ и католическій мірянинъ; иными словами, ex nihilo nihil fit. Поэтому необходимо признать, что дѣйствительность таинствъ имѣетъ мѣсто и за предѣлами православной церкви, хотя и не для православныхъ, и задачей богословія является осмыслить этотъ фактъ.

3° т. е. взаимное признание юрисдикций. Однако, въ этой области отсутствует imprimetur dignitas. Ибо ни съ восточной стороны никогда не оспаривалась юрисдикция папы надъ западной церковью, ни съ западной не оспаривались юрисдикции восточныхъ помѣстныхъ церквей въ ихъ собственной области, и разноголосія въ канонической области относятся не къ разграниченію юрисдикцій, но къ правамъ римской кафедръ, — папскаго примата, что есть вопросъ уже не каноническій, а догматическій. Въ области догматической между Востокомъ и Западомъ существуютъ глубокія разногласія, и въ ученіи о Св. Духѣ filioque, и ученіи о Церкви (именно о мѣстѣ папы въ церкви), и цѣлый рядъ другихъ догматическихъ, а еще болѣе доктринальныхъ различій (впрочемъ, что касается послѣднихъ, то они, вѣдь, могутъ существовать — и существуютъ — и въ нѣдрахъ единой православной церкви). Частью они являются естественнымъ послѣдствіемъ всего духовнаго и историческаго различія Востока и Запада, частью же — слѣдствіемъ уклоненія Запада отъ вселенскаго пути. Здѣсь мы вступаемъ въ область догматическихъ споровъ и раздѣлений досель не изжитыхъ. Обычно этимъ догматически — доктринальнымъ различіемъ придается рѣшающее значеніе. Сакраментальное единство догматически раздѣляющихся церквей какъ бы забывается или приносится въ жертву этому ихъ различію (что рое обычно также не только не сглаживается, но еще и преувеличивается). Поэтому господствующая формула носителю соединенія церквей гласитъ: общеніе таинствъ, т. е. единеніе въ таинственной жизни, должно имѣть для себя условіемъ п р е д в а р и т е л ь н о е д о г м а т и ч е с к о е с о г л а ш е н і е. Но такъ ли безспорна эта мнимая аксіома, которая никогда не провѣрялась? Здѣсь на одной чашкѣ вѣсовъ мы имѣемъ различіе н ѣ к о т о р ы хъ христіанскихъ догматовъ и богословскихъ мнѣній и вѣками сложившееся и закрѣпившееся отчужденіе и соперничество, но на другой — единство таинственной жизни и, прежде всего, Троицы Господней. Почему же считается необходимымъ предварительно согласиться во мнѣніяхъ,

а не наоборотъ, не въ единствѣ-ли таинства надо искать пути къ продолженію этого различія? Почему не искать преодолѣнія ереси черезъ преодолѣніе ереси ж и з н и, каковою является раздѣленіе? Не грѣшатъ ли нынѣ христіане тѣмъ, что не слышатъ общаго евхаристическаго зова и не слѣдуютъ ему, охваченные своими страстями и раздѣленіями? А если такъ, то для православія и католичества еще остается почва и путь для ихъ соединенія на почвѣ общенія въ таинствахъ. Но для этого, конечно, должно опутиться въяне Духа Божія, оно лишь слѣдуетъ явнымъ, что искомаго единенія слѣдуетъ искать вовсе не такъ далеко, какъ думаютъ, ибо оно уже есть существующій фактъ, который надо реализовать. Но реализовать его надо честно и искренно, абсолютно безъ заднихъ мыслей, коварства и хитрости, единственно, чтобы явить и осознать свое братство о Господѣ. Ни гордый и властный Римъ, живущій въ католическомъ священствѣ, ни застывшій въ вѣковой самооборонѣ Востокъ, видящій врага и поработителя въ каждомъ католикѣ, не могли и не могутъ до сихъ поръ слѣдять этого шага, з а б ы т ь с я въ порывѣ любви церковной. Можетъ быть, еще не пришло время, еще не совершились судьбины Божіи, еще не прогремѣлъ громъ и не сверкнула молнія, которые расплаваютъ историческія твердыни, а вмѣстѣ и человѣческія сердца. Но путь къ единенію Востока и Запада лежитъ не черезъ Флорентійскую унию и не черезъ турниры богослововъ, но черезъ единеніе предъ алтаремъ. Священство Востока и Запада должно сознать себя единымъ священствомъ, совершающимъ единую Евхаристию, приносящимъ единую жертву, и для воспламененнаго этимъ сознаніемъ священства отпадутъ, какъ картонныя преграды, всѣ препятствія къ единенію въ таинствѣ *). Сіе и буди, буди. А вслѣдъ за

*) Не эта ли мысль руководила Вл. Соловьевымъ въ его дѣйствительномъ или мнимомъ присоединеніи къ католичеству, самую возможность котораго онъ догматически отрицалъ? Онъ хотѣлъ опознать и явить дѣйствительное единство церквей въ пошлотъ благодатной жизни самѣмъ дѣломъ, но не былъ понятъ, ибо упреждалъ свое время. Католики торжествовали его переходъ въ католичество, православные были смущены его измѣной православію.

этимъ и въ отвѣтъ на это будетъ достигнуто и догматическое единеніе, точнѣе, — взаимное пониманіе другъ друга въ своихъ свойствахъ, односторонностейъ или даже различій, если таковыя останутся: *In necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus charitas*. И лишь до тѣхъ поръ, пока не загорѣлись эти огненные языки въ мѣрѣ, остается для насъ долгій и стропотный путь исканія догматическаго единомыслія путемъ догматическихъ споровъ... Но какъ бы исторія ни разрѣшила вопросъ о путяхъ къ единенію церквей, самое единеніе въ таинствахъ уже существуетъ и не должно быть нами забываемо и умаляемо и теперь, при раздѣленіи.

**

Существующее е д и н с т в о церквей есть и пологительное основаніе къ ихъ е д и н е н і ю, безъ перваго невозможно было бы и второе. Сознаніе своего единства, какъ данности, и раздѣленіе, какъ фактъ, живую антиноміей присутствуютъ въ душѣ христіанина. Эта антиномія не можетъ оставлять человѣка въ покоѣ равнодушна, но должна искать своего разрѣшенія. И "экуменическое" движеніе нашихъ дней выражаетъ для насъ это исканіе.

Прот. С. Булгаковъ.

Парижъ.

ГЛАВНЫЯ ДОГМАТИЧЕСКІЯ ПРОБЛЕМЫ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ СОЕДИНЕНІЮ ЦЕРКВЕЙ.

Около десяти лѣтъ тому назадъ, въ статьѣ, появившейся на французскомъ языкѣ и озаглавленной: "Соединеніе или сближеніе христіанскихъ церквей", я писалъ — "Полное и совершенно внутреннее единеніе между христіанами различныхъ вѣроисповѣданій можетъ быть, какъ намъ кажется, достигнуто только тогда, когда эти христіане признаютъ одни и тѣ же основные принципы христіанской вѣры" (стр. 33). Съ тѣмъ большимъ правомъ это можно сказать о каноническомъ и органическомъ возсоединеніи церквей, которое предполагаетъ въ качествѣ условія *sine qua non* тождество вѣрованій во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ, иначе говоря ихъ догматическое единство. Поэтому прежде чѣмъ приступить къ дѣлу соединенія церквей юридически, различныя христіанскія исповѣданія должны сообща изслѣдовать свои основныя догматическія расхожденія; они должны безъ всякой предвзятости искать путей для согласенія въ вопросахъ вѣры и такимъ образомъ устранить существующія религиозныя перегородки, догматическія и церковныя, которыя ихъ раздѣляютъ и дѣлаютъ ихъ чуждыми другъ другу.

Слѣдовательно, съ православной точки зрѣнія предъ нами прежде всего ставится задача принципиальная: согласіе церквей въ вопросахъ вѣры есть необходимый и единственный путь, который можетъ насъ привести къ единой нераздѣльной церкви первыхъ восьми вѣковъ, къ истинному соединенію церквей.

Безъ этого предварительнаго условія у насъ могутъ быть конгрессы, называемые христіанскими, или конференціи, называемыя интерконфессиональными, но не будетъ